

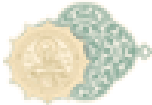
ПѢЧИ

при отпѣваніи заслуженнаго ординарнаго профессора Киевской духовной академіи **Василія Теодоровича Пѣвницкаго.**

I.

Оконченъ путь длинный и тяжелый, но вмѣстѣ съ тѣмъ славный и многоплодный.

Жизнь нашего дорогаго наставника, почившаго нынѣ о Господѣ, обняла собою кругъ времени въ 80 лѣтъ—удѣлъ, достающійся на долю такихъ работниковъ, какимъ былъ покойный, весьма рѣдко и свидѣтельствующій объ особенной къ нему милости Божіей. И эта долговѣчная жизнь исполнена была непрерывныхъ трудовъ на нивѣ христіанскаго знанія, къ спасительному свѣту котораго, самъ влекомый какъ-бы нѣкоторою таинственною силою, онъ настойчиво и съ любовью увлекалъ и другихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ открылись для него двери богословской науки, онъ не переставалъ служить ей съ преданностью самаго вѣрнаго раба. Онъ не зналъ отдыха да и не искалъ его никогда. Любовь къ занятіямъ наукою, тайныя радости которой ему были вѣдомы отъ дней юности, не только не умалялась въ его душѣ вмѣстѣ съ умаленіемъ дней его жизни, но какъ будто еще ярче горѣла въ немъ и будила надежды на новыя, еще неизвѣданныя имъ, прелести служенія божественной христіанской истинѣ, питая въ немъ до послѣднихъ минутъ горячее желаніе пожить еще на свѣтѣ, чтобы увидѣть осуществленіе и этихъ надеждъ. Не смерти боялся онъ, великій нашъ старецъ—наставникъ, долгимъ опытомъ

научившійся вѣрять себя Богу и въ Немъ находить для себя миръ и утѣшеніе въ прискорбныхъ обстоятельствахъ, среди приключавшихся ему искушеній. Нѣтъ, онъ жизнь любилъ, какъ безцѣнный даръ Божій, которымъ всегда пользовался во славу же Божію и на благо всѣхъ насъ. Не обинуясь онъ могъ сказать о себѣ слово Апостола: „для меня жизнь—Христосъ, и смерть—пріобрѣтеніе. Если же жизнь во плоти доставляетъ плодъ моему дѣлу, то не знаю, что избрать. Влечетъ меня то и другое: имѣю желаніе разрѣшиться и быть со Христомъ, потому что это несравненно лучше, а оставаться во плоти нужнѣе для васъ“ (Филип. I, 21—24).

Да, именно для всѣхъ насъ... Тяжела жизнь, когда силы слабѣютъ и всякое напряженіе ихъ болѣзненно ощущается дряхлѣющимъ тѣломъ; еще тяжелѣе она, когда на нее падвигается одиночество, когда человѣкъ теряетъ близкихъ, знаемыхъ, соратниковъ, словомъ—тѣхъ, съ кѣмъ привыкъ жить и трудиться, когда онъ начинаетъ чувствовать себя пережившимъ свое время и потому какъ бы лишнимъ на пиру жизни, для всѣхъ чужимъ, никому не нужнымъ. Но отъ этихъ тяжестей жизни Господь благоволилъ избавить Своего вѣрнаго слугу. Не смотря на свой преклонный возрастъ, нашъ приснопамятный учитель до конца своей жизни былъ одинаково дорогимъ и близкимъ какъ для своей горячо любимой семьи, такъ и для нашего академическаго братства, равно и для всѣхъ, кто имѣлъ счастье быть съ нимъ въ общеніи. Онъ и самъ сознавалъ это, и такое сознаніе вызывало въ немъ жизнерадостное настроеніе духа, обновляло его старческія силы и родило его съ людьми слѣдующихъ поколѣній, которыхъ онъ всегда старался понять, чтобы поддерживать ихъ во всемъ добромъ своими мудрыми совѣтами, своимъ глубокимъ житейскимъ опытомъ. Не лишній онъ былъ до послѣдняго часа жизни, но чужой былъ даже и для тѣхъ, кто не былъ не-

посредственнымъ его ученикомъ; нѣтъ, для всѣхъ насъ онъ былъ своимъ, а для академіи нашей истиннымъ вѣнцемъ славы. Его появленіе среди насъ невольно уносило наши души къ далекому прошлому, и лишь только онъ открывалъ свои уста, это прошлое воскресало для насъ въ сіяніи лучшихъ своихъ сторонъ; оно какъ бы воплощалось въ его вдохновенной, пламенной рѣчи, въ его ясной мысли, въ его безграничной любви къ святымъ завѣтамъ родной школы; въ немъ оно плѣняло насъ въ такой же мѣрѣ, въ какой его утѣшало и радовало. Это и привязывало его къ жизни; онъ жить желалъ, потому что жизнь его нужна была для насъ. Жить въ Академіи и для Академіи было его истиннымъ наслажденіемъ, а потому и немощи старческаго возраста и оскудѣніе силъ какъ бы не существовали для него. Какъ и всегда, любовь все побѣждала.

Но все же путь его жизни былъ трудный. Это былъ путь исканія умомъ человѣческимъ божественной истины, соединеннаго съ стремленіемъ освѣтить эту истину не только для собственнаго сознанія, но главнымъ образомъ для сознанія другихъ. Это былъ путь христіанскаго учительства... Трудъ на этомъ пути не всегда вознаграждаетъ работника въ ожидаемой имъ мѣрѣ, но постоянно окружасть его все новыми и новыми волненіями. Знаетъ это всякій труженикъ науки; но почившій извѣдалъ трудности христіанскаго учительства въ сугубой мѣрѣ. Весь долгій вѣкъ свой онъ посвятилъ наукѣ о словѣ человѣческомъ въ его служеніи вѣрѣ христіанской и церкви православной,—наукѣ о церковной проповѣди. Не предѣлами какого-либо узкаго ученаго кружка ограничиваются результаты этой науки, но свое вліяніе простираютъ они непосредственно на самую жизнь нашу, создавая то живое проповѣдническое слово, которымъ вѣра наша утверждается, нравы улучшаются и все ко спасенію нашему въ церкви благоустраивается. Живо сознавалъ это нашъ общій учитель и потому занятія любимой

наукою признавалъ для себя высоко ответственными, что дѣлало ихъ особенно трудными даже и для его недюжинныхъ талантовъ. Съ какимъ волненіемъ слѣдилъ онъ за своими учениками—проповѣдниками, когда они выступали на церковную кафедру, и какъ много огорченія доставляли ему всякія ихъ неудачи. Но этого мало. Онъ былъ внимателенъ не только къ непосредственнымъ своимъ ученикамъ, но и вообще ко всѣмъ нашимъ церковнымъ проповѣдникамъ. Кто изъ послѣднихъ не интересовался мнѣніемъ о себѣ дорогого Василія Θεодоровича и кому нашъ приснопамятный учитель не старался быть полезнымъ своими знаніями и опытомъ? А сколько это требовало труда и сколько приносило ему тревогъ! Воспитавшій свой проповѣдническій вкусъ въ школѣ лучшей свято-отеческой и русской проповѣди, онъ болѣлъ душою, когда встрѣчалъ что-либо несоотвѣтствующее духу этой школы, унижающее ея идеалы... Нужно только почувствовать себя въ извѣстной степени ответственнымъ за правильность веденія великаго дѣла церковнаго проповѣдничества, чтобы понять, какъ тяжелъ былъ путь нашего наставника, незамѣнимаго профессора церковнаго краснорѣчія.

Наивысшая радость всей его жизни, наша Академія иногда какъ бы невольно увеличивала тяжесть учительства оплакиваемого нынѣ Василія Θεодоровича. Ея исконные завѣты настолько были близки его сердцу, что онъ не отдѣлялъ себя отъ нихъ, и всякое колебаніе въ пониманіи ихъ обществомъ и отдѣльными лицами сильно уязвляло его любовь. Воистину „люта, какъ преисподняя, ревность: стрѣлы ея—стрѣлы огненные; она—пламень весьма сильный“ (Пѣснь пѣсней, 8, 6)...

Но если путь нашего наставника имѣлъ свои терніи, то вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ путь славный и многоплодный.

Слава учителя въ его ученикахъ. Но кто изъ нашихъ дорогихъ наставниковъ можетъ похвалиться большимъ количествомъ учениковъ, чѣмъ почившій Василій Теодоровичъ,—учениковъ знаменитыхъ и малоизвѣстныхъ, проходящихъ высокія служенія и скромныхъ тружениковъ? *Возведи окрестъ очи твои, и виждь собранная чада твоя*; простри взоръ твой на сѣверъ и югъ, востокъ и западъ и исчисли тѣхъ, кто желалъ бы нынѣ поклониться твоему праху. Всѣ они были твоими слушателями, всѣ напоены твоимъ краснорѣчивымъ словомъ, всѣ векормлены твоєю христіанскою мудростью. И вынѣ, когда ты почилъ о Господѣ, они составляютъ живой вѣнокъ на твою честную главу, какъ лилія, пвѣтушій я, какъ ливанъ, издающій благоуханіе. Въ нихъ и черезъ нихъ ты не будешь забытъ, и имя твое будетъ жить въ роды родовъ: ибо днѣмъ доброй жизни есть число, но доброе пмя пребываетъ во вѣкъ (Сир. 41, 16).

Ты напечатлѣлъ свое доброе имя не только въ сердцахъ преданныхъ тебѣ учениковъ твоихъ, но и на такихъ произведеніяхъ твоего великаго ума и вдохновеннаго слова, которыя не умираютъ. Сколько прекраснаго, высокаго, радостнаго, добраго влилъ ты въ эти произведенія изъ богатой сокровищницы твоего духа! Какая въ нихъ дышитъ вѣра въ Бога, сколько въ нихъ любви ко Христу и Его церкви, какія развертываются въ нихъ возвышенныя мысли, свѣтлыя надежды, какой безпредѣльный міръ духовной красоты! Не умрутъ они, потому что въ нихъ воплотилась могучая прелесть вѣчно юной жизни добраго воина Христава... Пройдутъ вѣка, смѣнятся поколѣнія, а плоды многолѣтней работы нашего учителя никогда не увянутъ. Нынѣ онъ достигъ тихой пристани и почилъ отъ праведныхъ трудовъ своихъ во свѣтѣ безсмертія, но съ нимъ вмѣстѣ засіяли безсмертіемъ и дѣла его...

Братіе, чему мы научились отъ приснопамятнаго нашего учителя, что приняли и слышали и видѣли въ немъ, то

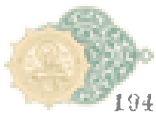
будемъ исполнять съ любовью, и Богъ мира подастъ намъ утѣшеніе въ этотъ горькій часъ разлуки и исполнитъ наши сердца и уста горячей молитвою объ упокоеніи души дорогого Василія Θεодоровича въ нѣдрахъ Авраама Исаака и Іакова.

Э.-орд. профессоръ священникъ **Н. Гроссу.**

II.

Дорогой учитель!

Еще нѣсколько часовъ, и этотъ гробъ, доколѣ открытый, навсегда лишитъ насъ возможности земного общенія съ тобою. Что же скажемъ тебѣ на прощанье мы, твои ученики и почитатели, съ тяжелою скорбію окружающіе твой гробъ? Выслушай съ великодушнымъ терпѣніемъ, знаменитый ораторъ, мое неискусное слово. И хорошо знаю, что теперь открылись предъ тобою новыя области знанія, такія тайны, которыя недоступны пониманію обитателей земли, знаю, что ты переживаешь чувства новыя, безконечно сильнѣйшія земныхъ, при созерцаніи новыхъ, неизвѣданныхъ условій человѣческаго и мірового бытія, но есть, усоншій учитель, чувство, одинаково переживаемое на землѣ и на небѣ. Это—чувство любви. Выраженіе этого чувства любви и признательности за твои полувѣковые труды на нашу пользу ты и прими отъ насъ, твоихъ учениковъ, какъ тѣхъ, которые имѣютъ возможность сказать тебѣ при твоёмъ гробѣ „последнее прости“, такъ и тѣхъ, которые разбросаны по лицу всей русской земли, можетъ быть, лишённые возможности знать и слышать о твоей кончинѣ. И чувство ихъ скорби будетъ такъ же велико и искренно, какъ и наше, когда они узнаютъ, что нѣтъ тебя больше въ живыхъ. Но такъ же, какъ и у насъ, глубоко и дорого будетъ воспоминаніе о тебѣ и о томъ времени, когда въ стѣнахъ род-

ной Академіи, въ урочный годъ слышали твоѣ сильное живое и краснорѣчивое слово. Для нѣкоторыхъ изъ насъ это время давно миновало, но при твоѣмъ открытомъ гробѣ оно встаетъ предъ нами съ ясностью вчерашняго дня. Никто не понуждалъ насъ посѣщать твоихъ лекцій, являлись мы всегда сами, боясь пропустить хоть одну изъ нихъ. Просто и ясно, какъ проста и ясна была твоя душа, но съ тѣмъ вмѣстѣ одушевленно и плавно лилась твоя рѣчь, согрѣтая одинаковою любовію и къ наукѣ, и къ намъ, твоимъ слушателямъ. Было очевидно, что аудиторія живетъ одною жизнію, что профессоръ и его слушатели одушевлены одною цѣлію. Прекрасный знатокъ слова Божія и святоотеческой письменности, вооруженный знаніемъ литературы своего предмета, родной и иноземной,—человѣкъ съ дѣтства религиозно--настроенный, ты рисовалъ предъ нами высокій идеалъ пастыря церкви, его исключительное жизненное призваніе—разъяснить высокое назначеніе человѣка, земное и загробное, служить для паствы живымъ примѣромъ жизни доброй и благочестивой, участливой къ судьбѣ ближняго. Твоя рѣчь возвышала, согрѣвала, будила спавшія силы, звала къ подвигу, но я устрашала высотой этого подвига, несоразмѣрностью его съ человѣческими силами. Идеалъ пастыря, который ты рисовалъ предъ нами, былъ строго евангельскій и святоотеческій, чуждый той злобѣ дня, которая грозитъ низвести пастыря церкви съ высоты служенія истины вѣчной, міровой, общечеловѣческой. Богатая научная эрудиція и широкая жизненная наблюдательность придавали твоей рѣчи силу очевидности, безспорности.

Обаяніе прекраснаго лектора соединялось въ тебѣ съ авторитетомъ ученаго и блестящаго церковнаго оратора. Твои ученые труды по исторіи гомилетики еще долго будутъ служить необходимымъ пособіемъ при изученіи исторіи проповѣди, а твой „Священникъ“ останется настольною книгою образованнаго пастыря церкви. А что сказать о

твоихъ блестящихъ проповѣдяхъ, особенно на пассіи? Вспомни переполненный Братскій храмъ, вспомни, какъ тѣснились около тебя благочестивые слушатели, горѣвшіе желаніемъ услышать твое блестящее и назидательное слово. И цѣлыхъ 50 лѣтъ своей жизни отдалъ ты родной Академіи; трудился на благо ея. Отсюда—твоя широкая извѣстность, какъ профессора, какъ ученаго и какъ проповѣдника оратора. Твое имя привлекало молодежь въ стѣны Киевской именно Академіи, служило ей гордостью.

Обаятельность твоей личности увеличивалась и прекрасными качествами твоей души: простотой, прямою, можно сказать дѣтской незлобивою, способностью и готовностью забывать всякія обиды, вольныя и невольныя, сознательныя и безсознательныя. Отсюда происходило исключительное уваженіе къ тебѣ въ средѣ твоихъ сослуживцевъ по Академіи и внѣ ея. Про тебя съ рѣшительною можно сказать, что ты не имѣлъ враговъ, не потому что тебя не огорчали: тебя иногда огорчали мы до слезъ, а потому, что ты совершенно не былъ способенъ питать чувства злобы. Когда тебя огорчали, ты скорѣе недоумѣвалъ и спрашивалъ: за что? а потому находилъ въ душѣ своей слово примиренія и прощенія. Излишне говорить, что по своей простотѣ, добродушію, искренности, тонкой душевной деликатности ты былъ неспособенъ никого оскорбить, а если кого нечаянно огорчалъ, то страдалъ болѣе, чѣмъ самъ огорченный.

Сли же мирнымъ сномъ, почившій учитель! Подвигомъ добрымъ ты подвизался въ своей жизни, честно исполнивъ свой жизненный долгъ, и теперь стоять предъ страшнымъ, но и милосерднымъ Судіею въ ожиданіи воздаянія за свой жизненный подвигъ. Не дано намъ знать судовъ Божиихъ, но мы вѣримъ и надѣемся, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ, приходившій въ міръ *утѣшить спасти*, покроетъ Своею милостію и любовію твои вольныя и невольныя прегрѣшенія; а мы, твои ученики и почитатели, будемъ молить-

ся объ упокоеніи души твоей въ сонмѣ избранниковъ Божіихъ.

Прости же и прощай, дорогой наставникъ, а прими мой земной поклонъ, какъ выраженіе моей горячѣй и глубокой благодарности и за твою добрую науку, и за твои неизмѣнно доброжелательныя отношенія ко мнѣ.

Профессоръ В. Малининъ.

Ш.

Могучій свѣтильникъ христіанскаго знанія угасъ. Великое сердце биться перестало. Отошелъ въ горній міръ нашъ академическій патріархъ, „непостыдный“ дѣлатель на академической нивѣ *божье*, чѣмъ за *полстолѣтіе*. Онъ дожилъ почти до лѣтъ „сильнаго“, 80-ти лѣтъ, какіе годы только могъ пожелать негховавѣгный псалмопѣвецъ человеку своего времени, несравненно ближе насъ стоявшему къ „исходу“ жпани. Тихо, почти безболѣзненно прекратилась его жизнь, какъ угасаетъ лампада съ послѣднею каплею масла.

Нуженъ цѣлый сонмъ добрыхъ свидѣтелей, чтобы рассказать эту длинную, въ высшей степени плодотворную и добродѣтельную жизнь рѣдкаго человека, талантливаго ученаго, выдающагося профессора, блестящаго оратора и добраго христіанина. Мы же укажемъ только на немногіе случаи, обратимъ вниманіе лишь на нѣкоторыя черты въ личности почившаго,—это своего рода „цвѣточки“, которые должны быть вплетены въ вѣнокъ безсмертной славы почившаго.

Наши воспоминаніи о Василии Феодоровичѣ, какъ и несравненнаго большинства живущихъ нынѣ, относятся къ послѣднимъ годамъ его жизни. Мы вступали въ академію въ то время, когда жизнь В. Ф. уже значительно склонилось къ западу, и онъ приближался къ мастигой старости. Но сразу удалось намъ замѣтить духовную красоту этого

„обыкновеннаго“ челоѣка. Вѣдь можно жить съ челоѣкомъ, *знать* его, но *не понимать*, не останавливаться на немъ своимъ вниманіемъ, не заглядывать въ его душу. Намъ впервые посчастливилось отчасти понять В. Ф., когда онъ, около 15-ти лѣтъ тому назадъ, съ этой священной кафедрой оплакивалъ въ задушевномъ словѣ своего скончавшагося сослуживца, сороботника и „собиннаго“ друга Ивана Игнатьевича Малышевскаго. Это было рѣдкое слово „мужа совѣта и разума“, по выраженію слушавшихъ его. Въ немъ глубина содержанія и красота формы спорили за первенство, обѣ будучи равно прекрасны; въ немъ самыя искреннія, теплыя, сердечныя чувства облекались въ легкія классически-изящныя слова и выраженія. Все было соразмѣрно, гармонично и производило чарующее впечатлѣніе. Но не одинъ талантъ выдающагося оратора видѣть былъ въ томъ словѣ. Въ немъ выступилъ челоѣкъ съ необычайно нѣжнымъ сердцемъ, съ богато одаренною душою.—Другой случай изъ жизни почившаго неволью заставившій съ удивленіемъ, почти съ благоговѣніемъ посмотреть на этого замѣчательнаго челоѣка—это 50-ти лѣтній юбилей его службы. На восьмомъ десяткѣ лѣтъ старцу-юбиліару пришлось выслушивать стоя въ теченіе нѣсколькихъ часовъ—и это послѣ продолжительнаго богослуженія—многочисленныя привѣтственные адреса и поздравительныя телеграммы. И что же? Онъ не проронилъ ни одного слова! быстро схватывалъ суть адреса, легко улавливалъ его отличительныя черты и даже отѣнки и... тотчасъ же на многіе адреса далъ отвѣты. Да какіе! Глубокіе по смыслу, и изящные, даже художественныя по формѣ. Въ одномъ отвѣтѣ В-ній Ф-чь благодарилъ Бога, что, при Его помощи, онъ „въ 50 годъ своей службы такъ же могъ трудиться, какъ и въ первый“, что онъ и теперь, во время своего юбилея, чувствуетъ крѣпость силъ раннихъ лѣтъ службы. Василій Феодоровичъ тогда это не

только сказать, но и самым неопровержимым образом доказалъ.

Вотъ два самыхъ знаменательныхъ случая изъ послѣднихъ лѣтъ жизни почившаго. Смерть соратника и друга И. И. М-го глубоко захватила всю душу В-я Ѳ-ча. Путь неизмѣнный и вѣрный путникъ на жизненной дорогѣ, съ которымъ проведено уже такъ много. Новаго не хотѣлось искать: поздно, да его уже и не найти. Оставалось зарыть при дорогѣ павшаго товарища, а дальше брести одному. Невольно пробивалось тяжелое чувство и закрадывалось мучительное сомнѣніе: далеко ли уйду я одинъ, не сложу ли я своихъ костей очень скоро, вонъ тотъ впереди.—да уже близокъ и мой часъ!... А 50-ти лѣтній юбилей воочію показывалъ, что уже прожить предѣльный возрастъ профессорской службы. Не нынѣ—завтра нужно будетъ сдать свою позицію яному, молодому, а себя признать инвалидомъ, какъ бы уже лишнимъ въ жизни человѣкомъ, и стать въ сторонѣ отъ рѣки жизни, въ качествѣ празднаго зрителя, не мѣшая другимъ строить жизнь. Оба эти случая всколыхнули душу Василия Θεодоровича до самого дна. И его рѣдкая симпатичная душа выступила тогда вся—скорбная и тоскующая, показавъ свое богатство и красоту.

Отсюда, какъ изъ фокуса, разсѣиваются блестящіе лучи во все стороны и освѣщаютъ въ разныхъ точкахъ жизнь Василия Θεодоровича. И эта жизнь должна быть по-истинѣ замѣчательна: человѣкъ столь прекрасной души и здороваго тѣла могъ возрасти только на хорошей почвѣ, могъ разумно быть воспитанъ и сложиться въ рѣдкій характеръ только при особо благоприятныхъ условіяхъ, могъ развернуть свои громадныя силы и сохранить ихъ въ теченіе почти восьмидесятилѣтня лишь при доброй жизни и въ здоровой атмосферѣ

Самъ почившій въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, которыя прочитываются съ захватывающимъ интересомъ, рисуетъ

намъ окружающую обстановку и самую свою жизнь съ мати́хъ лѣтъ. Мы узнаемъ что Васи́лій Тео́доровичъ—порожде́ние дре́вняго русскаго быта, того прекра́снаго быта, въ законченны́хъ форма́хъ котораго олице́лился мо́щный русскій духъ. Его душа испиталась соками́ здоро́выхъ русскі́хъ корней. Только о́тсюда для насъ понятны́—особая дѣ́льность, гармоничность и богатство́ нату́ры Васи́лія Тео́доровича. Въ наше время́ такіе люди всрѣ́чаются все рѣ́же рѣ́же (Ибо тотъ бытъ, къ которому принадле́жать всѣ́ выдающі́еся русскіе дѣ́ятели—писатели, по́ководцы, администраторы, предста́вившіе Росси́ю на весь свѣ́тъ,—теперь —увы!—осужде́ны, отвергну́ты, хотя въ замѣ́нъ его въ лучшемъ случаѣ́ намъ ниче́го не дано, а въ худшемъ даны́ уродства́ и безобразіе́). Вся жизнь Васи́лія Тео́доровича отпичала́ какою-то особливо́ю простото́ю и *естественно́стью*. Онъ жи́л и дѣ́йствовалъ безъ всякаго напряже́нія. Онъ жи́л, какъ бы прислушиваясь или повинуваясь́ внутреннему́ голосу, и дѣ́йствовалъ́ такъ, что́ для всѣ́хъ было́ яснымъ, что́ онъ не мо́гъ послу́пать иначе́. *Онъ всегда́ былъ́ самимъ́ собою*. Э́то въ особенностии́ показа́ли мрачно́й памяти́ 1905—1906 г. г. Ско́лько́ тогда потерпѣ́ло круше́ние люде́скихъ характеровъ, до́тогда́ счита́вшихся си́льными, благородны́ми! Ско́лько́ тогда старце́въ въ отвѣ́тъ на вопро́съ: не галице́янинъ-ли ты, то́ есть не русскій ли ты?—посты́дно отрека́лись отъ русскаго́ имени, отъ своихъ за́вѣтовъ́ и уба́вденій. Какъ поистинѣ́ было́ жалъ́ такихъ люде́й, которые съ́ того́ времени́ начали́ влачить́ жалкое́ существова́ние, ненави́дя сами́хъ себя́ въ ду́шѣ́ и презира́емые́ тѣ́ми, кто́ ихъ сбиль́ съ́ пути́. Но Васи́лій Тео́доровичъ́ остался́ вѣ́ренъ́ себѣ́. Онъ́ не скло́нннлъ́ своего́ знамени́. Всѣ́́ усилія́ вырва́ть у него́ зна́мя́ кончили́сь́ ничѣ́мъ.

Дѣ́йствительно́, *славная́ жизнь!* Э́та́ жизнь, какъ́ лучеза́рное́ свѣ́гято, обогну́ча́ небесны́й сводъ́ въ́ самы́й́ большо́й тень. Хоро́ша́ бы́ла́ э́та́ жизнь́ на́ зарѣ́, удиви́тельна́ и́ удиви́-

кательна въ полдень, возбуждающею умиление, почти благоговѣніе къ вечеру.

Славная жизнь закончилась *прекрасною смертью*. Достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ, Васплій Θεодоровичъ не обманывалъ себя, онъ хорошо сознавалъ, что дни его умалились, и часъ кончины его близится. Это сознаніе, повидному, особенно стало присуще ему, со времени выхода въ отставку. И вотъ онъ началъ подводить итоги своей жизни въ своихъ „Воспоминаніяхъ“. Но безжалостная смерть выбила изъ его рукъ перо, и „Воспоминанія“ его остались не оконченными. Многоплодный писатель въ первый разъ долженъ былъ опустить пишущую руку, не поставивъ точки. Влестящій ораторъ былъ прерванъ на полусловѣ и... на вѣки умолкъ.

„Умолкла цѣвница, которая возглашала, Спаситель нашъ, словеса Духа Святаго.

Да огласитъ она чертогъ Твой!

Умолкла громкая цѣвница, возглашавшая законъ Твой; безмолвной сдѣлала ее смерть.

Да возгремятъ она на брачной вечери Твоей!

Привержень онъ былъ къ истинѣ и другимъ возвѣщалъ правое ученіе.

Да защититъ его истина Твоя; да покроетъ его правое ученіе Твое въ часъ откровенія Твоего!

Съ тѣмъ же упованіемъ, какое имѣли свв отцы отъ вѣка, усердно трудился онъ.

Да успокоится же онъ въ пристани Твоей!

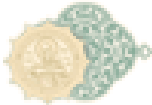
Хвала Тебѣ, Господи, слава Отцу Твоему, поклоненіе и прославленіе Духу Твоему во всѣ времена!“

(Св. Ефремъ Сиринъ).

М. Поеновъ.

IV.

Дорогой товарищъ и другъ! Не думалъ я, что мнѣ придется сказать слово при твоёмъ погребеніи. Но, видно,

такъ угодно было Господу, чтобы ты раньше меня отошелъ въ тотъ міръ, откуда до второго пришествія нѣтъ возврата. При взглядѣ на тебя цевольно припоминается, какъ мы 60 лѣтъ тому назадъ поступили въ Кіевскую академію. Ты сразу выдѣлился среди насъ своимъ умомъ и своимъ чуднымъ характеромъ, который сохранилъ неизмѣннымъ до конца своей жизни. Несмотря на свой умъ, служебное положеніе, награды и отличія со стороны начальства, ты до конца жизни остался студентомъ академіи XVII курса. Усвоивъ христіанскія начала жизни, преподаанныя намъ нашими незабвенными начальниками и наставниками, ты до конца жизни остался вѣренъ истиннымъ началамъ христіанской дѣятельности. Созрѣвъ для житницы Божьей ты, какъ спѣлый колосъ, скошенъ рукою смерти и нынѣ мы видимъ тебя „во гробѣ бездыханна подлежаща“.

Въ одной изъ церковныхъ пѣсней говорится о гробѣ Спасителя *„богатъ гробъ, въ себѣ бо примъ яко сннца Содѣтеля жизни божественное сокровище показася“* (Велик. суб. канонъ 7 п.) Отъ гроба нашего Искупителя и гробы истинныхъ христіанъ заимствуютъ свое богатство. И твой гробъ, дорогой товарищъ, поистинѣ можно назвать богатымъ. Сколько ояъ собралъ вокругъ себя твоихъ почитателей и учениковъ. И всѣмъ ояъ предлагаетъ великое богатство. Нищіе не собираютъ около себя людей, жаждущихъ обогащенія. Имъ нечѣмъ напитать тѣхъ, кто ищетъ истиннаго богатства. Отъ твоего же гроба, дорогой другъ, почерпаютъ богатство—пастыри церкви, для руководства которыхъ ты начерталъ путь, которымъ они должны сами слѣдовать и другихъ вести въ царствіе Христово. Отъ твоего гроба почерпаетъ правила жизни отецъ семейства, такъ какъ ты осуществилъ въ своей жизни идеаль чуждаго семьянина. Отъ твоего гроба получить назиданіе наставникъ и юноша, вида въ тебѣ учителя 50 лѣтъ неупустительно и безиѣностно трудившагося въ дѣлѣ воспитанія юнаго поколѣнія, поль

вѣка смѣняшагося въ этой нашей а́лѣае matris. Въ твоёмъ гробѣ найдегь разрѣшеніе своихъ сомнѣній и тотъ, кому закралась бы въ душу мысль о будущей загробной жизни. Ты приготовился къ ней тайнами церкви, ты окружавшимъ твой болѣзненный одръ, въ числѣ ихъ и мнѣ прямо заявилъ, что ты уже отходишь въ иной міръ Ты будешь для всѣхъ питомцевъ нашей академіи неизмѣннымъ идеаломъ наставника, гуженника, жившаго глубокимъ уваженіемъ къ заведенію воспитавшему тебя Другой нашъ товарищъ Архим. Меѳодій ¹⁾, прахъ котораго лежитъ подъ стѣнами сего храма, обращенный прямо ко входу въ жилище академіи, является какъ бы стражемъ тѣхъ святыхъ и свѣслыхъ началъ христіанства, какими онъ самъ дышалъ и какія онъ вмѣстѣ съ тобой оставилъ неизмѣннымъ завѣломъ будущимъ поколѣніямъ академіи При вѣсти о твоей кончинѣ и погребеніи во всѣхъ концахъ нашего отечества вознесутся къ Богу горячія молитвы отъ твоихъ учениковъ, которые питались и другихъ питають плодами твоего ученія Прими же, дорогой товарищъ и другъ, мое послѣднее убогое слово, предъ твоимъ гробомъ высказанное, и если тебѣ дано будетъ дерзновение предстать предъ лице Божіе не забудь насъ оставшихся въ живыхъ трехъ твоихъ товарищей ²⁾, а

¹⁾ Меѳодій Семовъ былъ родомъ изъ г Мценска Орловской губ. Онъ и Г. Горюстаевъ были моложе всѣхъ студентовъ своего курса Семову было 21 годъ, когда онъ изъявилъ желаніе принять монашество Митрополитъ Филаретъ велухъ объявилъ на экзаменѣ въ академіи о его желаніи, при чемъ сказалъ „говорять, что ты молодецъ, не смущайся этимъ ч тоже молодымъ поступилъ въ монастырь и вотъ дожаль до моихъ лѣтъ“ Въ спискѣ студентовъ XVII кур О Меѳодій записанъ подъ № 1, хотя всѣ сознавали, что В Θ былъ таровитѣе о Меѳодія Но эта, повидимому несправедливость не смущала ни товарищей, ни В. Θ, такъ какъ о М были олицетворенная кротость и нравственна чистота По окончаніи курса о М были оставлены бакалавромъ, а затѣмъ назначены инспекторомъ академіи Чахотка свела его въ могилу (1 июля 1862 г)

²⁾ Первый—А. Е. Истоминоу, бывший инспекторъ Харьковской сем подобно В Θ просидѣвшій 10 л въ Харьковской сем и до нынѣ тру.

сь отшедшими изъ нихъ достойными дерзновенія къ Господу помолись, да процвѣтаетъ въ семъ заведеніи вѣра и наука, основанная на истинномъ ученіи Христовомъ.

Феофанъ Доброленскій.

У.

Пройдетъ еще нѣсколько минутъ и сырая земля навѣки скроетъ отъ насъ тебя, дорогой нашъ учитель Василій Феодоровичъ!

Болѣе чѣмъ полвѣка ты стоялъ на свѣщницѣ дорогой нашей Академіи и своимъ свѣтомъ воспламенялъ сердца всѣхъ, приходившихъ въ этотъ разсадникъ высшаго духовнаго просвѣщенія.

Ты былъ неизсякаемымъ источникомъ, къ которому стекались со всѣхъ концовъ Россіи почерпнуть и усовершенствовать свои знанія, для успѣшнаго воздѣльванія нивы Божіей.

Ты являлся живымъ примѣромъ истиннаго послѣдователя Христова, свято чтя и неуклонно исполняя всѣ Его заповѣди и установленія.

Вся твоя жизнь для твоихъ многочисленныхъ учениковъ была не менѣе поучительна, чѣмъ и твое чарующее слово.

Мы всегда видѣли въ тебѣ глубокоувѣрующаго христіанина и ревностнаго исполнителя всѣхъ постановленій и каноновъ Церкви.

дѣйствія, какъ редакторъ журнала „Вѣра и Разумъ“. Второй товарищъ Д. С. Гуглинскій, бывшій инспекторъ и директоръ народныхъ уч. въ Царъ Польскомъ, сынъ священника, въ монашескѣ Серафима, служившаго во флотѣ и претерпѣвшаго въ 1856 г. мученическую кончину отъ турокъ въ Николаевскомъ укрѣпленіи на берегу Чернаго моря. Третій— Ф. Л. Доброленскій, жизни и дѣятельности котораго покойный В. Ф. посвятилъ нѣсколько страницъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ о студенческой жизни.

Какъ трогательно было твое отношеніе къ приходскому храму и твоему духовному отцу, котораго, по словамъ твоимъ, Самъ Господь указываетъ челоѣку въ лицѣ его приходскаго священника. Ежегодно на первой седмицѣ Великаго Поста тебя можно было видѣть говѣющимъ въ приходскомъ храмѣ и послѣ исповѣди ты всегда испрашивалъ у своего духовника разрѣшенія принять св. Таины въ нашемъ академическомъ храмѣ, среди дорогихъ тебѣ питомцевъ. Твое послушаніе духовному отцу было столь велико, что, безъ благословенія его, ты не считалъ себя вправе сдѣлать это.

Какъ поучительна твоя глубокая вѣра, когда ты, въ минувшій Великій Постъ, лежа на одрѣ болѣзни и не имѣя почти никакой надежды на выздоровленіе, выразилъ желаніе принять св. Таины, твердо вѣря, что Небесный Гость, Врачъ душъ и тѣлесъ, если захочетъ, то возстановитъ Твои силы и здоровье. Господь не посрамилъ твоей твердой вѣры и ты настолько оправился, что всталъ съ одра болѣзни совершалъ прогулки, посѣщалъ службу Божию и былъ даже въ Академіи.

Имя твое было извѣстно во всемъ обширномъ нашемъ отечествѣ и студенты самыхъ отдаленныхъ семинарій, отправляясь въ Кіевъ въ нашу Академію, знали, что тамъ есть Василій Феодоровичъ, который всегда окажется благостнымъ отцемъ. И многіе, почти тотчасъ по приѣздѣ, отправлялись къ тебѣ и всегда находили радушный и ласковый приѣмъ, и получали великое утѣшеніе и ободреніе. Часто потомъ въ разговорѣ слышалось твое имя, вспоминалось каждое твое слово, всякій твой совѣтъ, всѣ данныя тобою указанія.

И въ послѣдніе годы ты не прервалъ связи съ дорогой для тебя Академіей и ея питомцами. Ты всегда живо интересовался всей ея жизнью, радовался ея успѣхамъ и печалился, когда постигали ее какія-либо скорби. Встрѣчая

знакомыхъ студентовъ, ты всегда разспрашивалъ ихъ объ Академіи: тебя интересовали даже самыя мелочи изъ ихъ жизни и въ это время твой взоръ какъ-то особенно загорался и все лицо преображалось и подолгу тянулась твоя задушевная бесѣда.

Но... всякъ человѣкъ земля есть и въ землю отыдетъ. Пробилъ твой часъ и Господь, Котораго ты такъ любилъ и Которому всю свою жизнь и словомъ и дѣломъ ты вѣрно служилъ, призвалъ тебя въ Свои райскія обители. Гряди-же съ миромъ и молись у престола Всевышняго, да возрастуть и умножатся сѣмена, посеянные Тобой въ сердцахъ твоихъ слушателей. Мы же, благодарные тебѣ, всегда будемъ усердно и горячо—молить Господа, да упокоитъ Онъ тебя въ нѣдрѣхъ Авраама, Исаака и Іакова, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная. Аминь.

Студентъ 3-го курса Киевской Духовной Академіи

Викторъ Вельминъ.

VI.

Многочтимый, незабвенный, учитель нашъ

Василій Феодоровичъ.

Еще нѣсколько минутъ, и останки твои скроются отъ насъ. Но память о тебѣ сохранится навсегда и въ сердцахъ благодарныхъ бывшихъ слушателей твоихъ, учениковъ, и въ исторіи духовнаго отечественнаго просвѣщенія. Отъ Бога данъ былъ тебѣ, дорогой учитель, талантъ оратора говорить краснорѣчиво и увлекательно о предметахъ святой православной вѣры. Постояннымъ изученіемъ отеческихъ писаній ты умножилъ этотъ талантъ.

Мы помнимъ тебя въ пору расцвѣта твоей дѣятельности, 21 годъ назадъ, какъ ты выступалъ и на лекціяхъ и съ цер-

ковной кафедры и какъ положительный учитель, разъясняющій церковныя установленія, и какъ обличитель отступленій отъ церкви и ея уставовъ. Слово живое, согрѣтое огнемъ любви къ св. Церкви, подкрѣпляемое примѣрами и авторитетомъ святыхъ отцевъ, всегда было неотразимымъ, проникало въ тайники души и влекло къ небу и вѣчности, не останавливая мысль на землѣ... Ты умѣлъ незамѣтно приводить юныя души къ излюбленному тобою пастырству, описывая въ яркихъ краскахъ и высоту пастырскаго званія и не скрывая тѣхъ огорченій, какія приходится испытывать пастырю въ жизни. Не твоему ли влиянію многіе изъ твоихъ учениковъ обязаны тѣмъ, что они посвятили себя пастырскому служенію? Среди нихъ есть и высокопочтенныя іерархи церковныя. Услыша вѣсть о твоей кончинѣ, всѣ твои ученики и знающіе тебя вознесутъ теплыя молитвы объ упокоеніи твоей души...

Земной поклонъ тебѣ, и послѣднее прости, отъ лица студентовъ—пастырей XIII курса. Да будетъ легка тебѣ земля, а духъ твой да упокоитъ Господь въ селеніяхъ праведныхъ, „идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная“.

Прот. А. Четыркинъ.